

УДК 34(09)
ББК 67.0:67.3+63.3

РЕЖИМ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ ЗЕМЛИ ВОЙСКА ДОНСКОГО В ПЕРИОД С 1613 г. ПО ПЕРВУЮ ЧЕТВЕРТЬ XVIII ВЕКА

А.В. Фалалеев

В работе исследуются основные элементы, доминирующие методы и этапы развития режима функционирования политической власти Земли Войска Донского.

Ключевые слова: форма государства; политический режим; государственная власть; Земля Войска Донского; донские казаки; социальная среда; методы функционирования власти.

Исследование политогенеза [45; 46], системы международного военно-политического заказа [47], а также выявление признаков народного и государственного суверенитетов [50] закономерно привели к выводу о том, что с конца XV в. до 1613 г. на территории Поля – Подонья сложились необходимые условия для оформления собственной государственно-правовой системы Земли Войска Донского [43; 44; 48; 49]. Как любая система, форма государства на Дону в последующий период развивалась и состояла не просто из набора элементов, но имела их функциональное выражение. Это находило свое воплощение в способах определенного режима управления и коммуникативных связях управляющих и управляемых. Предшествующий анализ формы государства донских казаков позволил охарактеризовать преимущественно структуру (организацию) государственно-территориального устройства и правления Земли Войска Донского как федеративную милитаристскую асимметричную республику, переходящую к унитаризму, имевшую аналогии со смешанным «парламентарно-президентским» типом. Чтобы уяснить особенности ее функционирования, логично использовать общепринятое в государствоведении понятие «режим» (политический, государственный, государственно-

правовой, политико-правовой, государственно-политический) (о характеристике и проблемах изучения категории режима см.: [5, с. 11; 8, с. 128; 16, с. 135; 22, с. 113–117; 23, с. 113–117; 25; 54, с. 97–98]). В настоящее время в научной литературе имеет место неодинаковая трактовка понятия «режим» и обилие его определений. Это дает основание сделать вывод, что содержание термина «режим» гораздо шире его характеристики в качестве элемента формы государства. Есть взгляды, связывающие это понятие со степенью централизации государственного аппарата, с наличием политических свобод, с практикой выборов, с совокупностью ролей, посредством которых осуществляется власть и управление [17, с. 231–233]. Необходимо отметить, что в рассматриваемую эпоху общая неразвитость и размытость границ политико-правовых систем была характерна для всех государств постзолотоордынского пространства вообще и для Земли Войска Донского в частности. В настоящем исследовании использовалась формулировка «режим функционирования политической власти», подчеркнув этим своеобразие Земли Войска Донского на протяжении XVII – первой четверти XVIII века. В качестве основных градаций, позволяющих учитывать различный характер государственной власти, использовались традиционно выделяемые разновидности демократического, авторитарного и тоталитарного государства.

Для уяснения сути режима функционирования формы донского государства в рас-

смаатриваемый период необходимо сконцентрироваться, прежде всего, на формах и методах осуществления государственной власти Войска Донского, методах управления общностью донских казаков и в конечном счете всем населением Земли Донской. В политической системе наряду с государственными институтами существовали и другие формальные и неформальные объединения, игравшие значительную, а временами и ведущую политическую роль. Эти объединения образовывали «социальные тела» [38, с. 6], которые были основаны на совокупности прав и обязанностей, связанных с доступом к ресурсному обеспечению жизнедеятельности местных сообществ Земли Войска Донского. В процессе политогенеза Земли Войска Донского репродукция и правовое оформление в обществе казаков различных форм собственности (государственной – войсковой, общинной – юртыкурной, позже – станичной, частной) шли параллельно с правовой объективацией социальной структуры. Режим функционирования политической власти зависел от многих факторов деятельности войсковых органов власти. Основные из них: массовые движения социальных групп казаков и неказачков, оформившихся вне общевойсковой структуры и преследующих политические цели.

Определяя тип режима функционирования политической власти Земли Войска Донского рассматриваемого периода, необходимо учесть доминанту в методах режима. Следует принимать во внимание *социальную среду*, в которой Войско действовало и которая определяла допустимость тех или иных методов, а также *природу государственной (войсковой) власти* там, где деятельность Войска преследовала отчетливо выраженные *социальные и классовые интересы* [53, с. 191].

Традиции всего постзолотоордынского государственно-правового пространства, его военно-деспотический по характеру функционирования государственно-правовой режим сформировали системообразующие факторы развития социальной стратификации и определили природу государственной (войсковой) власти Земли Донской. Это выразилось в том, что деятельность административно-политической (государственной) организации – «Войска» носила *милитаризованный* характер.

Социальные и классовые интересы населения Земли Войска Донского были связаны с милитаризованным экзополитарным способом обеспечения жизнедеятельности. В основе его лежал захват военной добычи и товарно-транзитный характер ее реализации. Основные виды общественно-полезной деятельности, принадлежность к сфере властных полномочий [19, с. 31–32] и связанная с ними имущественная и социальная дифференциация, наличие ясыря – военнопленных рабов также носили военно-иерархический по происхождению характер. Это предопределило в деятельности государственной власти Земли Войска Донского наличие методов, дававших принципиальную возможность перенесения статуса политической неполноправности на некоторые категории «своих».

В структуре населения, проживавшего на территории Земли Донской начиная с середины XVI по первую четверть XVIII в., можно выделить как минимум 13 социальных групп, которые, в свою очередь, можно объединить в 4 категории, обладавшие различным политико-правовым статусом, признаваемой правоспособностью и дееспособностью. Первая категория полноправного населения – казаки была неоднородной и делилась на атаманов, старшин [13, с. 271; 28, с. 147] и собственно казаков. Последние могут быть разделены на старых, добрых, средних, худых [41, с. 217, примеч.] (или голутвенных) [23, с. 72; 29, с. 89]. Вторая категория может быть названа переходной, так как группы, ее составлявшие, обладали неполной правоспособностью: чурь [3, с. 9], болдыри [10, с. 125. Л. 63], оземейные люди [28, с. 190–191; 34, св. 105, Л. 839]. Третья категория состояла из групп, обладавших ограниченной правоспособностью и дееспособностью¹: бурлаки², делившиеся на зажилых бурлаков и батраков, и захребетники-крестьяне³ [28, с. 60, 185, 189, 194–195; 31, № 22]. В четвертую категорию входили лишенные прав: рабы-ясырь и «отгромленный полон».

В связи с вышеизложенным нельзя согласиться с мнением, что «именно отсутствие устойчивого земледелия тормозило процесс социальной дифференциации в среде казачества» [15, с. 57]. Можно утверждать, что после сложения «протогосударства» в 1549 г. социальная среда Земли Войска Донского уже

была неоднородной. С оформлением же к 1619 г. государства на Дону можно констатировать, что состав основных политических прав, присущих основным социальным слоям населения Земли Войска Донского, был оформлен и отражался в основных политико-правовых понятиях, фиксируемых в войсковых правовых актах.

Очевидно, что осознание явлений, связанных с политико-правовым режимом, у населения Земли Войска Донского соотносилось с понятием «воля». Непосредственно с этим понятием была связана производная характеристика донских казаков как *вольных* казаков. Так, с точки зрения А.П. Пронштейна и многих других отечественных исследователей, именно стремление «стать «вольными казаками» [9. № XLVI, стб. 553–600; 10. № III–V, стб. 40, 42, 63; 11. № VIII, IX, XVIII, XIX, XXVIII, стб. 384, 401, 465, 758–759, 882; 12. № XXXV, стб. 469] послужило толчком для эмиграции подданных Московского государства на территорию Поля – Подонья. Сам термин неоднократно встречается в основных документах, фиксирующих отношения между Войском Донским и Московским государством.

Понятие «воля» применительно к населению Земли Войска Донского носило комплексный политико-правовой характер. Его реализация (функционирование) соотносилась с комплексом права-обязанности полноправного представителя местного традиционного сообщества. Этот комплекс оформился к XVII в. и санкционировался уже *волею* всего Донского Войска. Вместе с тем необходимо отметить, что статус «вольного» казака существовал не только на территории Земли Донской, но и признавался Московской Русью. Об этом свидетельствует его использование дипломатическим и пограничным ведомствами Руси в качестве маркера, отличающего «вольного казака», даже поверстанного на постоянную государеву службу, от русских подданных. Эта категория указывается в 1641 г. в воеводской отписке о составе населения воронежских *слободских жильцов* наряду с *белопоместными* и *полковыми* казаками [10, с. 95–96. Л. 114, 115]. Из текста документа можно сделать вывод о том, что *вольным* казаком Анкундинка Гусельников стал уж

после того, как «вышел из полону в Азов», то есть этот статус был санкционирован войсковым кругом. Так, именно в Азове располагалось в это время собственно Главное Войско. Это может служить подтверждением того, что понятие «воля» является именно политико-правовым комплексом, устанавливающим баланс прав и обязанностей полноправного казака.

Комплекс прав не казака – лица, лично свободного, проживавшего на территории Земли Войска Донского, но не натурализовавшегося, в отличие от «вольного казака» был существенно ограничен. «Эта масса *бездольных* людей, обеспечивавших свое существование наемной работой, именовалась на Дону бурлаками и *не имела прав казачества*» [28, с. 112]. Как правило, бурлак «работал черную работу, а не в казаках служил и *в кругу не хаживал*» [32. № 5. Л. 643–650]. На протяжении XVI–XVII вв. политические права казака приобретал только тот, «кто хотя бы раз принял участие в походе, имел основания считать себя казаком и приходиться в круг “дуванить” жалование» [28, с. 185]. Войсковая же администрация в лице старшины, активно использовавшая в своих хозяйствах труд бурлаков, выступала решительным противником зачисления их в ряды казаков. Они заявляли, что бурлакам платить «жалования нельзя для того, что многие пойдут бурлаки, которые живут между людьми, а не своими куренями, а иные бражники» [32. № 22. Л. 5–37]. Обязательным условием получения полных политических прав через допуск к участию в работе представительных государственных (войсковых) органов – гражданской натурализации неказака было достижение установленных Войском цензов: оседлости и имущественного. Однако и при этом полноправным казаком, то есть обладавшем *волей*, становился только тот, кого причисляли к этому званию на войсковом кругу [13. № 17. С. 163; 20. № 39, 46; 31. № 9].

В этом случае методы функционирования режима государственной власти были направлены на ограничение в политических правах не казаков через установление все более жесткого порядка приобретения ими политических прав. Фактически эти *полуфеодальные* элементы режима были связаны, прежде

всего, с состоянием *переходности*, характеризующей типологическую (формационную) сущность режима. Методы осуществления власти были построены на градации населения по разным категориям с различным объемом прав и прежде всего на оппозиции казаки – не казаки. Насилие в отношении населения имело нескрытый характер, но в известной мере опиралось на коллективистское принуждение и осуществлялось от имени юртовых территориальных сообществ.

Динамика социально-экономического развития Земли Войска Донского в конечном итоге привела к нарастанию социального расслоения и возникновению непримиримых классовых интересов. А.П. Пронштейн вслед за К. Марксом констатировал, что здесь во второй половине XVII в. уже существовало классовое общество. «Социальное расслоение и непримиримость классовых интересов на Дону выявились с особой силой уже во время крестьянской войны под предводительством Степана Разина» [18. № 57, с. 91, № 171, с. 235; 23, с. 119; 28, с. 109]. Соглашаясь с такой характеристикой донского общества, следует одновременно обратить внимание на проблему применения термина «*крестьянская война*» в отечественной историографии в отношении Дона. Необходимо отметить, что первый отмеченный в источниках случай переселения великороссийских крестьян с прилегающей к Дону «украины» на свободные просторы Дона относится к 1667 году [28, с. 45; 39; 40, стб. 293]. Через несколько лет в царской грамоте от 9 ноября 1674 г. названы уже «многие беглецы», которые прятались у казаков «в верхних городках» [1. № 53, с. 84–87]. *Крестьянство* как отдельная социальная группа появляется на территории Земли Войска Донского только после 1671 года. С этого момента после поражения в так называемой «*крестьянской войне под предводительством С. Разина*» Дон подпадает под протекторат России. При отсутствии крестьянства на Дону уместно ли в этом случае вести речь о «*крестьянской войне*» на этой территории? Крестьянская война является одним из базовых понятий марксистского направления изучения социально-политической истории отечественного феодализма со времен работы Ф. Энгельса «Крестьянская война в Герма-

нии». В соответствии с ним основной движущей силой является конкретный социальный слой – класс, в интересах которого совершается то или иное общественно-политическое действие. Если исследователи принимают за крестьянство голутвенное казачество или бурлаков, то почему в историографии подчеркивается, что собственно крестьянство начинает формироваться на Дону (а еще точнее, эмигрировать на территорию Земли Донской) не ранее последней четверти XVII века? В политико-правовых и экономических условиях на Дону бурлаки рассматриваемого периода могут быть скорее соотнесены с социальными группами эпохи промышленной революции, которые сформировали слой «работников по найму», а не с пусть деклассированным, но крестьянством. Однако эта «протопротарская» группа формировалась в политико-правовом государственном пространстве России. Дон с 1671 г. только начинал трудный процесс вхождения в это пространство. То есть эта социальная группа в рассматриваемый период ни экономически, ни социально, ни территориально, ни политически, ни в правовом смысле не была связана с крестьянством России.

Все вышесказанное относится, прежде всего, ко «второй крестьянской войне» в отношении территории Земли Войска Донского. Вместе с тем очень показательными являются выводы, которые были сделаны А.Л. Станиславским. Проанализировав корпус источников периода Смуты начала XVII в., автор пришел к следующим выводам. «Рассматривать же как крестьян казаков в армиях Болотникова, Лжедмитрия II, в земских ополчениях и т. д., даже если они вышли из крестьянства, нет, на наш взгляд, никаких оснований. Таким образом, представление о “Смуте” как о крестьянской войне нуждается, по видимому, в решительном пересмотре» [40, с. 247]. Исходя из этого можно констатировать, что война С. Разина на территории Дона не может быть охарактеризована как явление, характерное для внутрироссийской классовой борьбы. Напротив, война С. Разина есть проявление кризиса, вылившегося в открытую борьбу за власть в самостоятельном государственно-правовом поле Дона. Следует заметить, что уже ко времени персидского похода С. Разина в методах функционирования режи-

ма войсковой власти отчетливо оформляются *две тенденции*.

Первая тенденция в функционировании режима была направлена на обеспечение политико-правового единства Земли Войска Донского в условиях все возрастающих внутренних политических противоречий.

Происходило сближение политической позиции «голутвенного» казачества и смыкание его «общедемократических» интересов с пришлым населением – бурлаками. Они объединялись для организации самовольных военно-промысловых походов. Следствием этого стало вынужденное санкционирование Войском их участия в «донских промыслах» и предоставление явочным порядком органами местного самоуправления политических прав *вольных* казаков уже бурлакам. Последние в результате получали основания для натурализации и выражали намерение участвовать в формировании государственных органов власти всего Войска Донского. Так, во время «двоевластия» Главное Войско С. Разина фактически и юридически предоставляло политические и гражданские права «вольного» донского казачества всем участвующим в военно-промысловом походе. Самое интересное, что это не было нарушением сформировавшихся войсковых норм. Практически полным аналогом произведенных процедур на кругах Главного Войска С. Разина было «отдание пени» Войском тем казакам, которые ранее были лишены политических и гражданских прав, а затем снова наделены ими через правовые акты Войскового круга. Во второй половине XVII в. население, принимавшее участие в военно-промысловых походах *без санкции* Войска, представляло собой, с точки зрения войсковых властей, правонарушителей – *воров*. Как указывал атаман Фрол Минаев, при раздаче жалования в 1683 г., помимо старых, добрых казаков, «набралось к тому жалованию таких вышеописанных *воров* многое число, а как почали делить, то государево жалование и многим того жалования не доставало, потому что прежде сего делили они только на 6000 человек и слишком, а ныне же делили на 7000 не по большому, а доставалось денег по 25 алтын» [28, с. 185. № 28; 30. № 11]. Подобное положение сложилось и в 1689 г., когда, по свидетельству казаков, в один

из походов вместе с ними самовольно «пошли из казачьих городков бездолные люди и бурлаки» [28, с. 185; 32. № 13. Л. 104–107].

Уже в 80-х гг. XVII в. отличить рядового казака от «наброду» было трудно. Так, во время восстания 1682 г. бурлаки и голутвенные казаки находились в одном лагере и по существу, как отметил Л.В. Черепнин, ничем не отличались друг от друга [52, с. 69–70]. Но для того чтобы влиять на органы власти и получить доступ к рычагам управления, пришлое население должно было быть натурализовано, то есть стать казаками через установленную Войском процедуру и получить «волю».

Необходимо отметить, что функционирование политического режима в Земле Войска Донского проходило после апреля 1670 г. в условиях отстранения от общевойсковой власти политической войсковой элиты, традиционно формировавшейся из низовых юртов, при сохранении ее властных позиций на уровне «низовой войски». Политическая борьба протекала со всей остротой уже в период войны 1670–1671-х годов. Опираясь на голутвенных казаков, Разин «прямых старых донских казаков... многих перебил и переграбил и опозорил» [18. № 141, с. 197; № 54, с. 87] (об участии в походах Разина и его атаманов, гольтыбы из нижних городков см.: [18. № 57, с. 91; № 171, с. 235]). Фактически «старые донские казаки» как группа составляли местную администрацию, которая традиционно поддерживала политику старшины Главного Низового Войска. Таким образом, действия войска С. Разина были направлены против группы населения, имеющей непосредственное влияние на властные органы Войска и их формировавшей. Указанные факты позволили А.П. Пронштейну и Н.А. Мининкову писать о существовании оформленных политических течений в Войске Донском – казачьих «партиях на Дону» [28, с. 135; 29, с. 110–111] и политическом противоборстве между ними. Эти «партии» были связаны с двумя политическими центрами верховых и низовых юртов. Они выражали интересы войсковых политических элит: с одной стороны, столичной «номенклатурной» черкасской, с другой – региональной «новоказачьей» кагальницей⁴.

Во внутренней политике «новоказачья партия» во главе с Разиным ориентировалась на расширение демократических методов функционирования режима государственной власти через предоставление политических гражданских прав неказачьему населению. Осуществлялось возвращение к принципам участия в государственной власти региональных представителей через восстановление федеративного устройства уже в 1667–1669-х годах. Признаки государственности нового восстановленного субъекта донской федерации проявились в режиме функционирования власти Войска С. Разина на Дону. Это проявлялось в факте сохранения Разиным своего войска после прибытия на Дон в качестве постоянной военно-политической организации, а также сохранения самостоятельных постоянных вооруженных сил. До этого «походные войска» распускались сразу по окончании похода [27, с. 124]. Был создан новый собственный административный центр – остров у Кагальницкого городка [4; 42. № 3; 5], ставший политическим центром. Дальнейшее установление режима экономической блокады войсковой столицы – Черкаска [18, с. 131, 133] соответствовало отработанным мерам, которые использовались Россией в борьбе против проявлений суверенитета войсковых властей. Можно констатировать наличие *собственной территориальной и политической юрисдикции* Войска Степана Разина, выразившейся в осуществлении управления от лица «всего Войска Донского» на территории верхних юртов и в использовании в документах этого официального названия. Как отмечали А.П. Пронштейн, Н.А. Мининков, «уже зимой 1669–1670 гг. старшины фактически потеряли всякую возможность осуществлять руководство на большей части территории Дона. Традиционный порядок казачьего войскового управления был нарушен» [27, с. 124].

На то, что это была «ремиссия» государственности «верхового» юртового объединения субъекта донской федерации, указывает тот факт, что численность разинского войска прирастала именно «сверху Доном безпрестани» [37, с. 167]. Но на сохранение при этом единой государственности показывает организация и проведение общевойскового круга зимой 1670 г. с участием С. Разина в войско-

вой столице – Черкасске. Таким образом, констатация А.Н. Сахаровым того факта, что на Дону стало «два войска, два круга, два атамана» [18, с. 162], фиксировала восстановление правосубъектности верхового юртового объединения в рамках общевойсковой асимметричной федеративной государственности. Правда, с той разницей, что большими политическими правами стала обладать разинская, по сути, «верховая» Войска.

В международных отношениях «новоказачья партия» ориентировалась на развитие военно-промышленной деятельности, влекущей за собой проведение агрессивной политики. Это подтверждают решения войскового круга верхних казаков о «волжско-каспийском походе» в 1667 г., а позже – решение апрельского общевойскового круга 1670 г. «итить на Волгу» [18, с. 162]. Указанные решения создавали политико-правовое основание для похода на Русь в целях распространения «казачьего присуда». Это, в свою очередь, стимулировало демонстративное выражение суверенитета Земли Войска Донского, объективно направленного против Московского государства (казнь 12 апреля 1670 г. царского посланника Г. Евдокимова на войсковом кругу, см. об этом: [37, с. 17–174]).

В этом смысле можно рассматривать и так называемые факты «показачивания» населения захваченных Главным Войском С. Разина русских городов и уездов. Можно сделать вывод о том, что это была не просто антифеодальная война: происходило формирование традиционных институтов государственной власти, присущих Войску Донскому, на чужой территории. Захваченные административно-территориальные единицы отторгались от России. Они становились составной частью Войска после проведения установленных процедур созыва представительного органа – казачьего круга, избрания органов исполнительной власти в лице атаманов и есаулов. Население, которое участвовало в круге, приобретало «волю» – права и обязанности вольных казаков. В этом случае юрисдикция вновь созданных органов власти распространялась на всю административно-территориальную единицу, а новые «вольные казаки» принимались в воинские подразделения разинской «Войски».

«Номенклатурная партия» с лидером Корнилой Яковлевым традиционно связывала свои экономические интересы с войсковой монополией на регулярное получение «жалования» за исполнение московского военно-политического заказа. В международной политике она стремилась к укреплению союза с Московским государством, что объективно приводило к поглощению последним донского суверенитета [29, с. 173]. Во внутренней политике преобладало стремление сохранить влияние войсковой старшины, ограничивая процесс гражданской натурализации эмигрантов. В функционировании режима государственной власти это приводило к замене относительно демократических методов авторитарными и развитию сотрудничества между Москвой и черкасской старшиной. Последняя «старалась тайным обычаем» совместно с Московским правительством «над тем вором Стенькой Разиным учинить промысл» [18, с. 159]. В форме государственного территориального устройства черкасская старшина стремилась к ликвидации федерализма и оформлению принципов унитарного государства.

Противоборство двух политических течений отчетливо выразилось в переходности государственного режима двоевластия. В самый разгар «крестьянской» войны политическое размежевание на Дону достигло такой степени, что С. Разин имел серьезное основание заявить войсковому атаману К. Яковлеву: «Ты де владай своим войском, а я де владею своим войском» [24, с. 196]. Продолжая характеристику политического режима Земли Войска Донского, вслед за К. Марксом можно утверждать, что на протяжении XVII в. на Дону постоянно были две «партии»: так называемые «верные», хотевшие соединить свою *вольность* с признанием верховенства московской власти, и «воровские», которые хотели сохранить независимость Дона [23, с. 108]. Старшинская верхушка стремилась к союзу с московским правительством, которое не только высылало жалование, но при необходимости могло помочь вооруженными силами не только для отражения внешнего врага, но и для усмирения голытьбы. Поэтому как только началось «разинское» выступление против России, низовые казаки и старшины

заняли определенную позицию, послав «ото всех прямых донских казаков» с доносом в Москву атамана Михайлу Самаренина [18, № 36, с. 69].

Со всей очевидностью выявляется *вторая тенденция развития политического режима Земли Войска Донского*. Ее проявление было обусловлено важным внешнеполитическим фактором, выразившимся во влиянии Московского государства. По мере укрепления военно-союзнических отношений государств-сателлитов росло воздействие на методы осуществления политической власти Войска Донского Московской Руси – доминирующего в регионе монархического государства с авторитарным политическим режимом. Это, в свою очередь, стимулировало развитие авторитарных черт в политическом режиме Земли Войска Донского. Рост политического влияния старшины – группы лиц в войсковой администрации, экономически связанных с Московским государством и заинтересованных в его регулярных платежах, повлек за собой применение специфических методов осуществления государственной власти в Земле Войска Донского.

Становится очевидным, что в режиме функционирования органов власти так называемого «старшинного» низового Войска в целях сохранения *военно-олигархической* групповой власти все более преобладали черты *коллорационизма*. Признаки коллорационизма в этой группе присутствовали постоянно. Так, именно за открытую промосковскую политику «выбили из круга лутчего атамана Смагу Чертенского» уже после создания «всего великого Войска Донского» в 1613 году. Этот пример длительное время заставлял «верную» войсковую старшину скрывать от рядовых казаков свои истинную политическую ориентацию. Так, при переговорах с представителями Московского правительства в 1641 г. войсковая администрация тайно информировала Московское правительство о состоянии дел на Дону: «Да имь же... *сказываль тайно* въ Черкаскомъ городкѣ *войсковой ясауль* Григорей Филиповъ» [10, № 2, с. 231. Л. 8–9].

Уже со второй половины XVII в. в царских грамотах и военных указах, посылаемых на Дон, нередко содержалось требование, что-

бы кроме «войскового атамана и старшины, кому надлежит, никому читать их не давали» [41, с. 393].

Подкуп Московским правительством войсковой старшины порой носил неприкрытый характер: «150-го ноября въ 1 день, государь себѣ выписки слушавъ, пожаловалъ Донскихъ атамана Наума Васильева да ясаула Федора Порошина и казаковъ, которые съ ними прехали, вѣлелъ имъ дати своего государева жалованья за ихъ службу и за осадное сидѣнье, *предъ прежними дачами, съ прибавкою*: атаману Науму Васильеву ковшь серебрянъ, во двѣ гривенки, камка куфтеръ десять аршин, портище тафты добрые, сукно лундышь доброй, сорок соболей в сорокъ рублевъ, денегъ тридцать рублевъ, Ясаулу Федору Порошину камка кармазинъ десять аршинъ, сукно лундышь доброй, сорок соболей въ дватцать пять рублевъ, денегъ дватцать рублевъ» [10. № 1, с. 255–256. Помета на Л. 18–32].

Когда в Москву приезжали зимовые и легкие станицы – посольства Дона, состоявшие, как правило, из старшин и знатных казаков, правительство России щедро их награждало именными золотыми и серебряными ковшами, соболями, дорогими шерстяными и шелковыми материями помимо выплаты кормовых и дорожных – деньгами [14, с. 49–50; 27, с. 40–41]. Но особенно большие награды получали отдельные войсковые старшины за «радение о государевых делах». В 1671 г. атаман Корнила Яковлев с легкой станицей, состоящей из «лучших» казаков, привез в Москву Степана Разина. За это вся станица получила большое вознаграждение, а Корнила Яковлев в знак особой милости получил еще и *тайные награды* [14, с. 53, примеч. 47; 41, с. 394–396]. В 1683 г. атаман Фрол Минаев и некоторые другие старшины так же *тайно получали на Дону соболей* [30. № 26. Л. 30–31]. Позже за разгром раскольнического движения старшины получили деньги и соболей; за подавление Астраханского восстания Войско получило 20 тыс. руб., а старшины – «почетные подарки». Аналогичной была позиция черкасской старшины во время Булавинского восстания [3, с. 238; 51, с. 34–35]. За «верность и усердие» во время Булавинского восстания «Войску» было выдано 10 тыс. руб., а

старшины получили персональные награды: Василий Фролов и его приближенные – 1 400 руб., атаманы Извалов и Федосеев и их «товарищи» – по 100 руб. и т. д. [28, с. 148; 33. № 22. Л. 594, 612, 626; № 25. Л. 37 об; 34. Л. 396–397; 35, с. 214; 41, с. 361, примеч. 547].

Можно утверждать, что деятельность Главного Войска преследовала отчетливо выраженные социально-групповые интересы. Эти же интересы Войска определяли доминанту в формах и методах функционирования режима политической власти Земли Войска Донского.

Все разнообразие этих методов в Войске Донском можно объединять в две большие группы: методы уступок политическим противникам из числа войсковой старшины и методы насилия, «подавления» в отношении групп, слоев и лидеров голутвенного населения, выступающего в оппозиции к данной власти. Власть на территории Земли Войска Донского была обращена также к социальным слоям, политическим группировкам старшины, прежде всего «прямым казакам» низовых юртов, которые поддерживали существовавшую государственную (войсковую) власть или относились к ней нейтрально. По отношению к этой части населения Земли Донской вряд ли правильно вести речь только об уступках или подавлении, скорее можно говорить о взаимной поддержке и удовлетворении интересов.

Исходя из вышеизложенного, можно вычленировать доминирующий метод на конкретном этапе функционирования режима политической власти Земли Войска Донского. Так, до 1671 г. основными были «полудемократические» методы управления, или методы относительной демократии, осуществляемые в милитаризованных полуфеодалных формах. К выборам войсковых органов допускались все полноправные казаки, для которых участие в военно-промысловых походах, санкционированных Войском, было правом и обязанностью. Сфера приложения относительно демократических методов охватывала только собственно полноправных казаков-воинов, не распространяясь на женщин-казачек и неказачье население. *Полудемократичность, или относительная демократия*⁵, элементов режима была порождена условиями *перехода* от остатков административной системы ордынского государства к закреплению

республиканских элементов периода междуцарствий органами государственного управления, сформированными профессиональными воинами. С другой стороны, формирование нового слоя лиц – старшины, экономически зависящей от постоянных платежей за исполнение международного военно-политического заказа, влекло применение методов осуществления государственной власти, обеспечивающих влияние режима страны, осуществляющей регулярные платежи.

С 1659 г. наблюдается нарастание использования военно-авторитарных методов управления. С 1671 г. происходит ограничение участия в выборах в войсковые органы власти рядовых казаков. С этого момента «полудемократические» способы формирования органов государственной власти охватывали уже меньшинство казачьего населения, обладавшего полной политико-правовой дееспособностью. Более того, по сути демократические методы – обеспечение участия в выборах органов государственной власти – распространялись, прежде всего, на политико-территориальную группу черкасской старшины. Важно также учитывать, что функционирование политического режима Войска Донского не ограничивалось только правовыми методами. Войсковые органы использовали методы, не урегулированные войсковым правом, а иногда и противоправные методы.

К последним можно отнести два военных государственных переворота, которые совершила войсковая старшина в 1671 и 1708 годах.

Антигосударственный характер переворотов и приход к власти в Войске Донском старшин низового войска четко осознавался в Земле Донской широкими слоями казачества как противоправное действие. Так, даже в Черкасске в день переворота «единомышленники Булавина и голытьба» обвиняли старшин во главе с И. Зерщиковым в предательстве, говоря, что те «им манят, а ожидают приходу (царских) полков» [3, с. 296].

Становится очевидным, что коллаборационизм группы войсковых старшин и развитие авторитарных методов, направленных на сворачивание «полудемократических» традиций, были простимулированы Московским государством.

Необходимо указать, что дихотомичность в политико-правовом режиме Земли Войска Донского была обусловлена как ее суверенитетом, так и конфессиональным единством с Московской Русью. Последнее обстоятельство ярко проявлялось в концепции «службы холоповъ праведному государю».

Конфессиональный характер «служебных» отношений Московской Руси и Войска Донского подчеркивался «похвальными» царскими грамотами [10, № 7, с. 166. Л. 25].

Одновременно в войсковых документах указывалось: «прислона к намъ, холопомъ твоимъ, ко всему Войску Донскому на Донъ и в Озовъ твоя государева і великого князя Михаила Феодоровича всеа Руси грамота... писано к нам, холопомъ твоимъ, что мы, холопи твои, тебе, *праведному государю, служим...*, а за то, государь, насъ холопей своихъ, жалуешь и похваляешь. И мы, государь, всемъ Войскомъ Донскимъ *обрадовались и о том у Всемилостиваго Спаса и у Пречистые Богородицы и у тебя праведного государя, и милости просим, чтобъ къ намъ и впредь твоя государская милость да на нас была, а мы, государь, холопи твои, ради тебе, государь, служить*» [10, с. 16–17. Л. 2–3].

Нужно подчеркнуть, что концепция «праведного государя» строится на «трех китах»: праведности, благоверности, благочестивости [10, с. 156. Л. 11], которые понимались в Войске Донском иначе, нежели на Руси.

С позиции Войска Донского основными «задачами» «праведного государя» были:

- регулярная выплата царского жалования Войску по военно-политическому заказу, суть исполнения которого определялась в войсковых актах;
- предстательство царя-помазанника пред Богом за Войско Донское;
- оказание военной помощи Войску Донскому [10, с. 123–124. Л. 61].

Таким образом, конфессиональное единство являлось одним из основных мотивов поддержания военно-союзнических отношений Войска Донского с Московской Русью [10, с. 155. Л. 11]. Именно конфессиональное единство с московским царем подчеркнуто в решениях Войска об обороне Азова от 1640 г.: «А говорить де атаманы и казаки: только де будетъ приходъ къ Озову Турскихъ и Крымс-

ких людей, и они де тово их приходу не страшатца: *за домъ Ивана Предтечи і великого чюдотворца Николы и за государя царя і великого князя Михаила Федоровича всеа Руси всѣ* головами ... Битца хотятъ ... помрутъ всѣ, а Азова не покинуть» [10, с. 46. Л. 8]. Это указание «царя і великого князя (имя рек) всеа Руси» в одном ряду с наиболее почитаемыми святыми свидетельствует о целенаправленной реализации в отношениях с Московским государством концепции «московския христианския области», во главе которого стоит «праведный государь». Таким образом, военно-политический союз может быть поддержан до тех пор, пока московский царь остается «праведным государем».

Еще на один момент хотелось бы обратить внимание. Собственно «холопство» государственной организации Войска Донского связано с принадлежащей ей монополией на получение «жалования» за осуществление комплекса военно-политических услуг в рамках военно-союзнических отношений. При этом сохраняется полная свобода воли так называемых «холопов» в международных отношениях и прежде всего в решении вопросов войны и мира с соседними государствами. На это указывало само Войско царю московскому: «И мы, государь, холопы твои, ему Крымскому царю, отказали: *взяли мы Азовъ городъ своимъ умышлениемъ, а не его, праведного государя, повелѣниемъ*, взяли своими головами и своею кровью, а головы свои складывали и кровь проливали *за истинную свою православную крестьянскую непорочную вѣру и за домъ святого славного пророка и Предтечи Крестителя Христова Иоанна*» [10, с. 121–122. Л. 60].

Указанное обстоятельство позволяет не согласиться с утверждением Н.А. Минкова о том, что эти отношения могут быть рассмотрены в рамках концепции средневекового «вассалитета». Здесь отсутствовали основные элементы сюзеренитета-вассалитета: наделение сюзереном своего вассала комплексом прав и обязанностей вместе с феодем и ленными правами. Не случайно в войсковых документах подчеркивалось, что служба осуществлялась «не съ вотчинъ, ни съ помѣстей, съ воды да съ травы, сколько милосердый Господь Богъ помощи подасть, твоимъ госу-

дарскимъ счастиемъ намъ, холопомъ твоимъ» [10, с. 155. Л. 11]. В этом случае служба «праведному государю» рассматривалась как служба за веру и пролитие крови в борьбе с противниками Бога. Прямым подтверждением этого являются Войсковые акты, направленные на разрыв отношений с Московским царством, сопровождавшийся казнью царских посланников в 1630 и 1671 годах.

В конечном итоге методы функционирования режима политической власти Войска Донского нашли свое идеолого-политическое и правовое оформление в двух противоположных идеологических движениях: «*за праведного государя*» и «*раскола*».

В отечественной историографии неоднократно отмечалось, что общественно-политическое движение, принявшее религиозную форму и известное как старообрядческий раскол, было очень сложным. Религиозная окраска политической борьбы и, соответственно, методов функционирования политического режима Войска Донского была естественным оформлением политико-правовой мысли этой эпохи, когда, по словам Энгельса, «всякое общественное и политическое движение вынуждено было принимать теологическую форму» [55, с. 203].

Так, в конце XVII в. к числу активных раскольников принадлежали неоднократно выбиравшиеся *войсковыми атаманами* Самойло Лаврентьев и Илья Зершиков [14, с. 121, 129; 26. № 1310]. Распространение «раскола» среди высших должностных лиц государственной власти Войска Донского отражало стремление к сохранению старых политических порядков на Дону. В 1682 г. старообрядцы обладали на Дону такой силой, что в войсковых храмах перестали при богослужении «помянуть» царя и патриарха. Сам чин «помятия» включал в себя обязательный перечень органов государственной власти, признанных в установленном политико-правовом порядке верховными на Дону. Принятие такого решения могло быть санкционировано только Войсковым кругом. Это фактически и юридически свидетельствовало о выработке на Войсковом кругу основ общевойсковой политики, направленной на восстановление суверенитета Войска Донского после принесения присяги 1671 года. Московское правительство по-

ставило вопрос очень остро, объявив, что «те которые суть противники апостольской церкви, *не есть рабы великих государей*», и повело с ними решительную борьбу. Войсковая администрация в лице войскового атамана и старшин, не желавших мириться с ограничением суверенитета Войска Донского после 1671 г., использовала распространившееся на Дону движение старообрядцев для укрепления государственной власти Земли Войска Донского [14, с. 129–139]. Но уже в 1687 г. Фрол Минаев и его сторонники добились официального осуждения раскола на Войсковом кругу, после чего его главный проповедник Кузьма Косой был отправлен в Москву. Атаману Самойле Лаврентьеву пришлось, «покинув атаманство, ухорониться», а все казаки *были приведены к присяге* [13. № 17, с. 140, 164, 173]. После этого большинство старшин отошло от «раскола». Из тех же, кто за него держался, часть была арестована и казнена, а остальные скрывали свои религиозные убеждения.

Старообрядческое движение конца XVII в., как в фокусе, отразило классовые противоречия и их влияние на функционирование режима политической власти на Дону. Оно еще прочнее связало с правительством России группу старшин – сторонников Москвы, которые отказывались от суверенитета Войска во имя утверждения своей групповой власти на Дону. В результате в апреле 1688 г. войсковой атаман Фрол Минаев направил во все казачьи городки атамана Осипа Михайлова и есаула Емельяна Иванова с тысячным отрядом, предписав им привести всех казаков к крестному целованию, а тех, кто будет упорствовать (в расколе), казнить.

Так, среди методов функционирования режима государственной власти Войска Донского определенно начинали доминировать тоталитарные способы борьбы с инакомыслящими и политической оппозицией. Традиционная веротерпимость сменялась жесткими идеолого-политическими установками высших органов государственной власти. Сами *тоталитарно-деспотические* элементы, характеризующие состояние государственного режима, были связаны происхождением, в том числе, с ордынским наследием, проявлявшимся в феномене старшинской власти – соб-

ственности. Их дальнейшее развитие осуществлялось в *военной* форме (апогея они достигали в период военных переворотов 1671 и 1708 гг.) и стимулировалось откровенным коллаборационизмом части войсковой администрации. Управление государством в этом случае осуществлялось военными методами, систему органов государственной власти фактически возглавлял военный совет старшины. Для этого периода государственная власть носила централизованный характер, кака-либо автономия различных органов государства отрицалась, насилие являлось главным методом управления.

В то же время демократическая традиция была достаточно сильна и выражалась в использовании соответствующих методов функционирования режима. Так, ограничение международной правоспособности после присяги 1671 г. не помешало уже в 1675 г., при возникновении вопроса о выдаче Московскому правительству Сеньки Буянки, начаться «большой ссоре у казаков мелких и атаманов». Дело дошло до того, что войсковой атаман (Корнила Яковлев) вынужден был выйти в отставку, ибо «его мелкие казаки не слушали» [28, с. 110; 33. № 8. Л. 509].

О развитости политического режима свидетельствуют осознанные выработка механизма урегулирования политико-правовой жизни и применение методов достижения консенсуса в условиях острейших внутривнутриполитических кризисов – государственных переворотов. Так, в 1708 г., уже после антибулавинского переворота, верховые казаки готовы были реализовать традиционный комплекс выработки общей политической позиции в целях сохранения политико-правового единства Земли Войска Донского. Необходимо указать, что этот комплекс методов управления и регулирования включал в себя различные формы работы войскового круга: присыл представителей «ради совета», процедуру согласования позиций сторон переговорного процесса – «оговор», и, наконец, достижение консенсуса – «поклон» [3. № 249, с. 467].

В этом случае становятся ясными причины противостояния совета старшины как представителей войсковой администрации и органов местного самоуправления. Последние стремились сохранить демократические ме-

тоды управления «снизу доверху». С 1671 г. старшина использовала не только свое экономическое могущество, но и привилегированное политическое положение в Войске, а также опиралась на определенную поддержку со стороны Московского правительства, видевшего в лице старшин сторонников социально-политической интеграции Земли Войска Донского с Россией. Характерным является отмеченное А.П. Пронштейном противостояние не просто рядовых казаков и старшины как социальных слоев, но связь этого противостояния с организационно оформленными политически выраженными структурами. Так, если старшина четко ассоциировалась с Войсковой администрацией, то ей противостояли местные территориальные организации – станичные общества [28, с. 153]. Характеризуя станичные круги, В. Броневский отметил, что еще в первой четверти XVIII в. они «остались на том же основании, там по-прежнему кричали и никого не слушали» [2, с. 284]. Дворянский историк видел в этом *проявление народовластия*, оставшегося на Дону неизменным и в первой четверти XVIII века.

Элементы демократического режима удерживались дольше всего в станичном управлении, чем в войсковом. Однако уже в конце XVII в. «станичные бояре и воеводы», захватив фактически власть в свои руки, использовали ее для проведения угодных им решений на *станичных сборах*. Так, в 1721 г. по станицам был разослан *войсковой приказ*. Нарушая *демократические традиции* местного самоуправления, согласно которым *атаманы* должны были быть *исполнителями* воли круга, Войско требовало от казаков «выбранных *станичных годовых атаманов* почитать и во всем им быть послушными» [36, с. 105]. В этом случае изменение компетенции органов местного самоуправления было ударом по демократическим методам управления на местах и направлено на усиление авторитарного атаманского управления. *Авторитарные элементы режима* базировались на том, что управление Войском осуществляла военная элита, при осуществлении государственной власти акцент делался на методах открытой поддержки близких режиму социальных слоев. Вместе с тем имелся комплекс войсковых норм, процедура принятия и содержание которых со-

ответствовали общедемократическим интересам всего населения Войска Донского. Существовали законодательные, исполнительные, судебные органы государства, но на практике разделения властей не было. Использовались политические технологии, присущие выборам и референдумам, но их результаты в пользу войсковой администрации предопределялись политической ситуацией. Полномочия местного самоуправления были ограничены. Компромисс и консенсус если достигался, то с большим трудом, государственная власть делала упор на силовые методы управления.

Проведенный анализ выявленных способов и методов функционирования режима политической власти в управлении Землей Войска Донского позволяет сделать следующие выводы.

Можно выделить этапы доминирования методов функционирования государственной власти, управления общностью донских казаков и в конечном счете всем населением в донской республике, связанные с усложнением социальных институтов и их юридическим оформлением. Для анализа методов режима политической власти Войска Донского существенным является поиск его классификационных аналогов. Это, прежде всего, разновидности режимов *переходного характера*, связанные с определением стадии формационного развития (где, в свою очередь, выделяется *военный режим*) [6, с. 126]. *Военно-мобилизационные* формы функционирования режима государственной власти Земли Войска Донского были характерны как для *демократических*, так и для *авторитарных и тоталитарных* методов. Это дало основание Ю.Д. Гражданову высказать мнение, что в XVI–XVII вв. существовало сочетание военной диктатуры одного лица, с одной стороны, и неограниченного народовластия казаков – с другой [7, с. 20].

В соответствии с установленными доминирующими *методами* режима и особенностями *социальной среды* можно выделить этапы развития режима функционирования политической власти Земли Войска Донского.

На первом этапе, в 1549–1613 гг., военно-полуфеодальный режим соответствовал периоду «протогосударственного» развития Земли Войска Донского. В политической структуре Земли Донской присутствовали казаки как основная часть населения, обладав-

шая всей полнотой политической власти, беглые московские подданные и рабы-военнопленные. Доминировали *полудемократические и полуфеодальные* методы управления Войсками населения юртовых объединений.

Второй этап – милитаристско-полудемократический (1613–1671 гг.). В это время происходило углубление политической поляризации в собственно казачьей среде. Развитие острого социально-экономического кризиса привело к политико-правовому конфликту. Это выразилось в создании двух Войск на территории Земли Донской и быстро переросло в вооруженное противостояние, сопоставимое по методам ведения с гражданской войной. Спектр применяемых властями методов управления был достаточно широк. Доминирование полудемократических методов в милитарных формах не исключало применение авторитарных и откровенно противоправных действий против оппозиции в период политического кризиса.

Третий этап – милитарно-авторитарный (1671–1723 гг.). После уничтожения «голутвенного» Главного Войска под предводительством С. Разина силами «старшин» низового Войска Донского на территории Земли Войска Донского были жестко ограничены политические права «голутвенного» казачества. Большая часть казаков уже не могла участвовать в войсковом круге, а значит, и в формировании государственных органов власти. Вместе с тем сложившаяся ситуация вынудила войсковые власти принять меры к юридическому оформлению прав «зажилых бурлаков» и «оземейных людей». Таким образом, часть неказачьего населения получает отдельные политические права казаков без полной гражданской натурализации. Доминировали авторитарные методы управления при развитии полуфеодальных в феодальные отношения и сохранении полудемократических элементов, в основном на уровне местного самоуправления.

Для определения исторической формы государства Земли Войска Донского как целостного явления с 1481 по 1723 г. могут быть использованы способы организации и функционирования государственной власти на базе прямых и обратных связей с населением, которые были характерны для сегментарной государственной формы (о многообразии подходов к типологизации форм государства см.:

[21, с. 41–57]). Последняя является промежуточной между монархической и поликратической [47, с. 71–72] и сочетает некоторые авторитаристские и демократические характеристики. На Дону, хотя и признавалось разделение властей, не существовал их баланс, не была выработана система сдержек и противовесов. Существовали избираемые органы «парламентарного» типа – круг и глава исполнительной власти по сути «президентарного» типа – атаман, а также частичная автономия административно-территориальных единиц региональных войск и юртов, обладавших выборными представительными органами, аналогичными войсковым. Главенствовала исполнительная власть: «куда атаман глаз кинет, туда мы головами своими кинемся». Значительную роль в политике государства играла армия – войско. Можно констатировать двойную роль армии, органы которой выступали в качестве отраслевого и территориального управления. Судебная власть была слаба. Доминировали авторитарные методы управления: требования, запреты, принуждения. В то же время обратные связи органов государственной власти с населением в какой-то мере существовали практически все время.

В целом государственную форму Земли Войска Донского можно охарактеризовать как *милитаристскую республику, в которой сочетались авторитарные и феодально-полудемократические методы управления.*

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Так как они не были казаками, то не имели права голоса, не могли принимать участия в собраниях полноправных казаков в представительных органах власти – кругах войсковых и местных территориальных – юртовых. В связи с этим они не имели своей доли в общинной собственности и не могли претендовать на допуск к ресурсам жизнеобеспечения, контролируемым войском – военным походам, службе по внешнеполитическому государственному заказу и, следовательно, получать долю в «царском жаловании» и добыче. Свое существование они обеспечивали работой по найму: «уходом за скотиной и черной работой», «живя между людьми, а не своими куренями».

² В отношении бурлаков был подчеркнут их статус, отличный от *людей*, то есть казаков, обладавших полным объемом гражданско-политических прав. На-

ряду с работой по найму на бурлаков после 1718 г. были возложены работы в пользу станиц и войска.

³ Появление *крестьян* как группы населения Земли Войска Донского произошло не ранее последней четверти XVII века. Для массы крестьян была единственная возможность обеспечить жизнь – получить *землю в надел* от старшин. Они охотно предоставляли ее крестьянам, но при условии выполнения ими *феодалных повинностей* в пользу старшин. Ограниченная политическая и юридическая дееспособность крестьянства фиксировалась в актах органов местного самоуправления – «*сказках*», в которых они назывались «*захребетники*».

⁴ В этот период городок Кагальник являлся столицей Главного Войска С. Разина [4] и одновременно исполнял функции регионального политического центра, представлявшего на Нижнем Дону интересы казаков из верховых городков.

⁵ *Относительность* применения понятия демократии для Древнего мира и Средних веков неоднократно рассматривалась, прежде всего, на примере так называемых полисных республик «относительной демократии» в Древней Греции (то есть демократии для свободных полноправных граждан).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акты, относящиеся к истории Войска Донского, собранные генерал-майором А. А. Лишиным / под ред. А. А. Карасева и Х. И. Попова. – В 3 т. Т. 1. – Новочеркасск : изд. Обл. Правлением Войска Донского, 1894. – 821 с.
2. Броневский, В. История Донского войска / В. Броневский. – Ч. I. – Спб., 1834.
3. Булавинское восстание (1707–1708 гг.) / под ред. В. Волгина. – М. : Изд-во Всесоюз. о-ва политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1935. – 528 с.
4. Витков, З. А. Кагальницкий казачий городок / З. А. Витков // Из истории Дона. – Вып. 1. – Ростов н/Д, 1956. – С. 27–50.
5. Вопленко, Н. Н. Социалистическая законность и применение права / Н. Н. Вопленко. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1983.
6. Государства в странах капиталистической ориентации. – М. : Наука, 1982.
7. Гражданов, Ю. Д. Государственная власть и казачество : учеб. пособие / Ю. Д. Гражданов. Волгоград : [Б. и.], 1999. – 95 с.
8. Дегтярев, А. А. Основы политической теории / А. А. Дегтярев. – М. : Высш. шк., 1998.
9. Донские Дела. – Кн. I // Русская Историческая Библиотека (РИБ). – Т. XVIII. – Спб., 1902.
10. Донские Дела. – Кн. II // РИБ. – Т. XXIV. – СПб. : Изд-во Императ. Археограф. Комиссии, 1906.

11. Донские Дела. – Кн. III // РИБ. – Т. XXVI. – Спб., 1909.
12. Донские Дела. – Кн. IV // РИБ. – Т. XXIX. – Спб., 1913.
13. Дополнения к актам историческим, собранным и изданным Археографической комиссией. – Т. 12. – Спб., 1872.
14. Дружинин, В. Г. Раскол на Дону в конце XVII века / В. Г. Дружинин. – Спб. : Тип. И. Н. Скороходова, 1889. – с. 335.
15. Дулимов, Е. И. Государство и казачество: проблемы взаимодействия / Е. И. Дулимов. – Ростов н/Д : Изд-во Рост. ун-та, 2003. – 334 с.
16. Зеркин, Д. П. Основы политологии / Д. П. Зеркин. – Ростов н/Д : Феникс, 1997.
17. Конституционное право развивающихся стран: общество, власть, личность. – М. : Наука, 1990.
18. Крестьянская война под предводительством С. Т. Разина : сб. док. – Т. 1. 1666 – июль 1670 г. / сост. Е. А. Швецова ; отв. ред. А. А. Новосельский, В. И. Лебедев ; АН СССР. – М. : Изд-во АН СССР, 1954. – 322 с.
19. Кучма, В. В. Государство и право древнего мира : курс лекций / В. В. Кучма ; ВолГУ. – Волгоград : Офсет, 1998. – 240 с.
20. Леонов, А. Как поступали в казаки в старое время / А. Леонов // Донские областные ведомости (ДОВ). – 1862. – № 39; 46.
21. Любашец, В. Я. Типологический анализ исторических форм государства в процессе эволюции / В. Я. Любашец // Сев.-Кавк. юрид. вестн. – 2004. – № 4. – С. 41–57.
22. Малько, А. В. Политическая и правовая жизнь России : актуальные проблемы / А. В. Малько. – М. : Юрист, 2000.
23. Маркс, К. Стенька Разин. – Кн. 1. – М. : Молодая гвардия, 1926.
24. Материалы для истории возмущения С. Разина. – М., 1857.
25. Матузов, Н. И. Политико-правовые режимы: актуальность проблемы / Н. И. Матузов, А. В. Малько // Общественные науки и современность. – 1997. – № 1.
26. Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. – Т. 2. – Спб. : Тип. 2-го Отделения собственной его императорского величества канцелярии, 1830.
27. Постников-Лосев, М. М. Русские серебряные и золотые ковши / М. М. Постников-Лосев // Труды ГИМ. Памятники культуры. – Вып. X. – М., 1953.
28. Пронштейн, П. А. Земля Донская в XVIII веке / П. А. Пронштейн. – Ростов н/Д : Изд-во Рост. ун-та, 1961.
29. Пронштейн, А. П. Крестьянские войны в России XVII–XVIII веков и донское казачество / А. П. Пронштейн, Н. А. Мининков. – Ростов н/Д : Изд-во Рост. ун-та, 1983.

30. РГАДА. – Ф. 111. – Оп. 1. – Д. 1683.
 31. РГАДА. – Ф. 111. – Оп. 1. – Д. 1686.
 32. РГАДА. – Ф. 111. – Оп. 1. – Д. 1688.
 33. РГАДА. – Ф. 111. – Оп. 1. – ДК.
 34. РГВИА. – Ф. 13. – Оп. 107.
 35. Савельев, Е. П. История казачества : ист. исслед. / Е. П. Савельев. – В 3 ч. Ч. 3. – Новочеркасск, 1918.
 36. Савельев, А. М. Трехсотлетие войска Донского / А. М. Савельев. – СПб. : Издание Донского Войскового статистического комитета, 1870.
 37. Сахаров, А. Н. Степан Разин – предводитель крестьянской войны. Хроника XVII в. / А. Н. Сахаров. – М. : Молодая гвардия, 1973. – (Серия «ЖЗЛ».)
 38. Сергеев, В. М. Механизм эволюции политической структуры общества: социальные иерархии и социальные сети / В. М. Сергеев, К. В. Сергеев // ПОЛИС. – 2003. – № 3.
 39. Соловьев, С. М. История России. – Кн. III, т. 11. – СПб. : Изд. Товарищества Общественная польза, [б. г.].
 40. Станиславский, А. Л. Гражданская война в России XVII в.: Казачество на переломе истории / А. Л. Станиславский. – М. : Мысль, 1990.
 41. Сухоруков, В. Д. Историческое описание земли Войска Донского / В. Д. Сухоруков. – 2-е изд. – Новочеркасск, 1903. – 556 с.
 42. Тимошенко, А. А. К вопросу о местонахождении городища Степана Разина / А. А. Тимошенко // Советская археология. – 1961. – № 3.
 43. Фалалеев, А. В. Динамика развития форм государственного устройства Земли Войска Донского (конец XV – первая четверть XVIII вв.) / А. В. Фалалеев // Сарепта : ист.-этнограф. вестн. – Вып. 2. – Волгоград : МИРИА, 2006.
 44. Фалалеев, А. В. К проблеме типологической характеристики исторической формы государственного образования «Войско Донское» / А. В. Фалалеев // Материалы научной сессии. – Вып. 1. Право. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2005.
 45. Фалалеев, А. В. К проблеме формирования донского казачества (историко-государственный аспект) / А. В. Фалалеев // Донское казачество: история и современность. – Волгоград : Старая Сарепта, 2004.
 46. Фалалеев, А. В. К проблеме формирования казачества Земли Войска Донского (государственно-правовой аспект) / А. В. Фалалеев // Материалы научной сессии. – Вып. 1. Право. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2003.
 47. Фалалеев, А. В. К характеристике института государственной службы казачества Земли Донской и городского казачества в XVI в. (историко-правовой аспект) / А. В. Фалалеев // Модернизация политико-правовой системы России: прошлое, настоящее, будущее (К 140-летию Уставов Судебной реформы). – Волгоград : ВРОМСЮ : Изд-во ВолГУ, 2004.
 48. Фалалеев, А. В. Основные черты правовой жизни и войскового права Земли Войска Донского в XVI – первой четверти XVIII в. / А. В. Фалалеев // Стрежень. – 2006. – № 5.
 49. Фалалеев, А. В. Проблемы изучения государственно-правовых явлений Земли Войска Донского (1481–1723 гг.) / А. В. Фалалеев // Вестн. Саратов. гос. акад. права. – 2006. – Вып. 4 (49).
 50. Фалалеев, А. В. Суверенитет Земли Войска Донского 1549–1721 гг. (историко-правовой аспект) / А. В. Фалалеев // Историческая и современная регионалистика Верхнего Дона и Нижнего Поволжья. – Волгоград : Волгогр. науч. изд-во, 2005.
 51. Чаев, Н. С. Булавинское восстание / Н. С. Чаев. – М. : Изд-во Всесоюз. о-ва политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1934.
 52. Черепнин, Л. В. Классовая борьба на юге Московского государства в 1682 г. // Исторические записки. – Т. 4. – М. : АН СССР, 1938.
 53. Чиркин, В. Е. Современное государство / В. Е. Чиркин. – М. : МНИМП, 2001.
 54. Шанин, А. А. Политический режим: сущность, содержание, типология : дис. ... канд. юрид. наук / А. А. Шанин. – Волгоград, 1999.
 55. Энгельс, Ф. Людвиг Фейрбах и конец классической немецкой философии // Маркс К., Энгельс Ф. О религии. – М., 1955.

**METHODS OF POLITICAL AUTHORITIES ADMINISTRATION
 OF THE DON ARMY LAND IN THE PERIOD FROM 1613
 TO THE FIRST QUARTER OF THE XVIII CENTURY**

A. V. Falaleev

Principals, dominant methods and phases of functioning of the Don Army political authorities are studied in the article.

Key words: *form of state; political regime; governmental authorities; the Don Army Land; Don Cossacks; social environment; methods of local authority administration.*

A. V. Falaleev. Режим функционирования политической власти Земли Войска Донского